

ХАРЬКОВСКИЙ ТЕАТР им. ШЕВЧЕНКО.
«Навеки вместе».
Кобзарь — арт. О. Романенко.

условно патетическим произведениям, далеким от жизни. В Театре им. Шевченко идея «героико-романтического» театра выражала известное «брожение мысли», неуверенность, а, главное, робость, неумение осознать и сформулировать процессы, протекавшие много лет в советской драматургии, театре и в самом коллективе театра.

Надо сказать, что мало помогала театру в его исканиях и театральная критика, которая порой весьма нечетко ориентировала его.

В этом смысле показательна статья Д. Тальникова в «Театральном альманахе» за 1946 год (книга 3—5), подводившая итог московским гастролям Театра им. Шевченко.

Театр привез тогда весьма противоречивый, и, можно сказать, пестрый репертуар. Об известной неполноценности гастрольного репертуара, главного показателя идейно-творческой природы всякого театра, критик не сказал ни слова. Зато он счел необходимым создать целую «философию» «режиссерского театра», во многом ошибочную и

безусловно вредную для коллектива, некогда пережившего годы режиссерской диктатуры, едва не приведшей театр к полному краху.

Излишне распространяться о выдающейся роли режиссуры в искусстве советского театра. Мощный идейный подъем русского театра на рубеже нашего века, подъем, опиравшийся на драматургию Чехова и Горького, породил режиссуру в современном смысле слова. Станиславский и Немирович-Данченко немыслимы без Чехова и Горького. Опираясь на великие традиции Щепкина, основоположники Художественного театра освободили русское сценическое искусство от шлама дурного профессионализма, ремесленничества, заложили основы передовой, идейной, неизмеримо более полноценной театральной культуры. Они приблизили театр к жизни и раскрыли широкие перспективы его реалистического развития. И именно потому, что они шли от самой жизни, ее нужд и требований, не зная в искусстве компромиссов, они смогли воспитать актерский ансамбль, равного которому не знала история театра.

Противопоставлять театр «актерский» «режиссерскому» в наше время антиисторично, и, главное, вредно. Но вот какую «философию истории» развивает Д. Тальников. Оказывается прежде всего, что современный театр, в частности, украинский вообще, измельчал и хороших актеров в нем мало. «Если старый украинский театр, живший примитивными народными мелодрамой и комедией (всегда ли примитивными? — В. М.), оставил о себе в истории подлинную легенду как классический «актерский театр», благодаря целой группе таких исключительно сильных актерских индивидуальностей, как Заньковецкая, Кропивницкий, Саксганский, Затыркевич, Садовский, то с утратой этих корифеев и с новыми веяниями в театральном искусстве эпохи перед украинским театром, если он хотел жить и расти, встали новые задачи». Итак, корифеи ушли. Что же появилось им на смену? «Искусство режиссера», — отвечает Д. Тальников. И, чтобы не было сомнений, автор пишет о Театре им. Шевченко: «Это не ансамбль полнокровных, сочных, могучих актерских индивидуальностей украинской сцены, создающих общую яркость игры, исполнения. Таких индивидуальностей теперь мало в любой труппе...».

Где и когда т. Тальников вообще видел «ансамбль полнокровных, сочных, могучих актерских индивидуальностей» лучше ансамбля именно «режиссерского» Художественного театра? А названные им корифеи украинской сцены разве работали всегда вместе, в одной труппе? Тальников прекрасно знает, что в дореволюционных труппах чаще всего был один, два, редко три действительно выдающихся актера, а за ними — и просто опоспособные, и «средние, и —увы!— много плохих, лишенных элементарной культуры и школы! «Таких индивидуальностей теперь мало в любой труппе»... А прежде что же, ими были заполнены все коллективы?

Верно вскрывая двойственность, противоречивость стилевых тенденций театра, критик, однако, настолько увлекся «идеями» «режиссерского театра», что забыл сформулировать главную задачу коллектива, отчетливо определившуюся и в то время: в гуще многогранной созидательной советской жизни, опираясь на передовую драматургию, искать пути к все более глубокому и полноценному реалистическому воплощению образа современного героя. И пути эти — в идейном росте коллектива, в освоении передового опыта советского, в том числе украинского, театра, в изучении замечательного наследия Станиславского. Ибо только выдающийся творческий опыт Художественного театра, воплощенный в системе Станиславского, может существенно помочь театру в борьбе за высокое искусство социалистического реализма.

Нечеткость некоторых творческих позиций театра объясняет излишнюю пестроту и в его нынешнем репертуаре и недостаточную чуткость к новым и важным явлениям в советской драматургии. Театр им. Шевченко часто проходит мимо хороших пьес, показывающих центрального героя эпохи, передового рабочего наших дней.

Пристрастие к сугубо «героической», «романтической» пьесе, на наш взгляд, все еще мешает театру рассмотреть то важное, новое и благотворное, что произошло в советской драматургии за годы, следовавшие после исторических решений партии по вопросам литературы и искусства. Нынешняя «монументальная» и «героическая» пьеса вовсе не характеризуется искусственной патетикой и риторичностью, многочисленностью персонажей, обилием «массовок». Та-

ХАРЬКОВСКИЙ ТЕАТР им. ШЕВЧЕНКО.

«Навеки вместе».

Полковник Пушкарь — арт. И. Марьяненко.

кая безусловно героическая и монументальная пьеса, как «Незабываемый 1919-й» Вс. Вишневского, — произведение реалистическое по всей своей сущности, благородно-простое, свободное от какой-либо условности.

Чрезмерная склонность к произведениям патетическим и обычно громоздким в практике театра порождает известную двойственность, как бы делит его жизнь на «праздник» и «будни», постановки — на «подлинные», «значительные» и «проходные». А раз пьеса «проходная», — не так уж существенно, лучше она или хуже, лишь бы легче «разошлась», не мешала работам «основным», «капитальным».

М. Крушельницкий говорит, что он добивается психологической правды всех персонажей, бытовой достоверности и вместе с тем образного, поэтического строя спектакля в целом, чтобы все компоненты его жили в органическом единстве. «Только спектакль, имеющий единый поэтический образ, может считаться полноценным». Против этого принципиально нечего возразить. И в ряде